

**ОПЫТ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО:
«СВОЯ» СТРАНА «ЧУЖИМИ» ГЛАЗАМИ**

В.В.Орехов

(доктор филологических наук,

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского)

У статті аналізується книга В.О.Ключевського «Сказания иностранцев о Московском государстве» й доводиться, що російська наукова й творча думка XIX ст. активно вибудовувала методологію осмислення європейських уявлень про Росію.

The article analyzes the book of V.O. Klyuchevskaya "A tale of foreigners about the Moscow State", and proves that Russia's scientific and artistic thought of the nineteenth century actively formed the methodology of interpretation of the European ideas about Russia.

Интерес к иностранным источникам по отечественной истории проявился в России еще в XVII в., когда, по утверждению В.Кордта, был осуществлен перевод сочинения о Московии А. Олеария, хотя этот текст и не был опубликован. В 1739 г. при Российской академии наук француз Мальярд переводил английские путешествия в Московию. В 1748 г. К.Кондратович предоставил в Императорскую академию наук перевод записок о Московии Герберштейна (1, 3). Среди первых опубликованных переводов следует назвать четырехтомные «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю...» (2), подготовленные И.Штриттером по поручению Императорской академии наук. Издание Штриттера было чем-то средним между переводом и компиляцией. Иногда трудно уловить, где составитель переводит византийский текст буквально, а где попросту пересказывает его. Все сочинение подчиняется хронологическому порядку; авторство сообщений указывается в постраничных сносках, так что все повествование, составленное из множества отрывков, соединенных с помощью собственных «связок» Штриттера, выглядит как некий сводный исторический труд наподобие летописей.

В начале XIX в. вышло несколько собраний иностранных источников о России: сборники Д.Языкова (3), Н.Устрялова (4), В.Семенова (5). Переводы «иностраннных сказаний» о России часто появлялись в российских журналах, а в некоторых из них (например, в «Северном архиве» Ф.Булгарина или в «Русском вестнике» Н.Греча) даже составляли постоянную рубрику. В то же время Федор (Фридрих) Аделунг готовил масштабное библиографическое описание иностранных источников о России (6). А в Императорской публичной библиотеке было образовано специальное отделение «ROSSICA».

К 1860-м гг. российская наука накопила такой запас знаний об иностранной рецепции России, что начинающий, в то время еще никому не известный историк В.О.Ключевский смог на их основе создать исследование «Сказания иностранцев о Московском государстве», которое, на наш взгляд, знаменовало качественно новый этап в осмыслении зарубежной россики. Этот труд оказался настолько непохожим на прочие исторические изыскания, что его жанр и задачи до сих пор вызывают споры исследователей. Думается, часть вопросов прояснится, если воспринимать труд Ключевского в перспективе изучения иностранных представлений о России.

Цель настоящей статьи – доказать на материале книги В.О.Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве», что иностранная рецепция России являлась объектом рефлексии российской научной мысли XIX в., когда были заложены основы для дальнейшего изучения российского имиджа в зарубежных литературах. В связи с этим необходимо решить ряд задач: проследить историю обращения российской историографии к зарубежным источникам об отечественной истории; выявить специфику подходов в адаптации и исследовании россики и украиники; выявить специфику книги В.О.Ключевского и ее отношение к общим тенденциям изучения россики и украиники.

Текст «Сказаний иностранцев о Московском государстве» – это не полный перевод иностранных источников, это даже не чередующиеся выдержки из разных авторов (как у Штриттера), это – описание Московского государства в восприятии иностранцев, но в изложении Ключевского. Ключевский лишь указывает в сносках, у какого автора заимствовано свидетельство. Московское государство изображается в разных ракурсах: географическое положение, административная система, войско, климат и т.д. С первых же строк угадывается стремление Ключевского полностью нивелировать свои представления о Московии, стать на позиции иностранного путешественника, увидеть страну его глазами: *За Польшей <...> лежит обширная страна, ровная, обильная лесами, озерами и реками <...>. Более известную часть этой страны <...> составляют Красная и Нижняя Россия; далее на северо-восток, до самых границ Азии, простирается также Россия, называемая Белой Россией или Московией <...>. На западе Московия*

соприкасается с Литвой и Ливонией <...>. На юг от Московии, тотчас за Рязанью, тянутся обширные степи, по которым кочуют татары. К востоку <...> Московия соприкасается с Скифией, или Азиатской Сарматией, которая за Доном, или Танаисом, <...> тянется <...> по Волге <...> до самого океана. На севере <...> Московия простирается до Ледовитого океана <...>; на этих пространствах живут бесчисленные племена в безграничных лесах, которые, не прерываясь, тянутся на северо-восток до Гиперборейской Скифии и никому не известного Скифского океана <...> (7, 16-17).

В книге Ключевского нет ни выводов, ни комментариев. М.В.Нечкина относит это к недоработкам автора и отмечает, что *критика используемого текста – также далеко не сильная сторона работы*. При этом Нечкина предполагает, что Ключевский попросту «забывает» «проверить» источники (8, 116). К числу недостатков она относит и то, что Ключевский, передавая мнения иностранцев своими словами, «даже не подбирает русских терминов». Так, по Ключевскому, дьяки, например, излагали дела, решенные на соборе, в *форме деклараций* (8, 117). Отсутствие у Ключевского критического подхода к источникам исследовательница объясняет тем, что *способов научной проверки у Ключевского было тогда мало, а времени еще меньше* (8, 117).

Времени у Ключевского действительно было мало. Сочинение написано как кандидатская диссертация, на подготовку которой отводился всего один академический год (1864–65). Даже учитывая, что все использованные источники (более 30) были опубликованы, перед Ключевским стояла сложная задача, особенно если учесть, что это первое исследование ученого. И все же, по нашему убеждению, отсутствие в работе полемики с иностранными авторами и фактографической корректировки нельзя объяснить недостатком времени и забывчивостью историка.

Кажется, М.В. Нечкина обнаруживает недостатки книги, определяя цель исследования Ключевского не верно. Вписывая книгу в контекст полемики между западниками и славянофилами, она считает, что *замысел автора – всюду провести сравнение прежнего и нового положения России* (8, 109). Однако если согласиться с этой мыслью, то окажется, что в сочинении Ключевского есть еще один, гораздо более значительный недостаток: ученый так и не реализовал сравнения между древней и новой Россией, даже не приступил к этому. Кроме того, весьма сомнительно утверждение, что тема исследования *звучит западнически* (8, 109). Интерес к иностранным историческим источникам был присущ не только западникам, но и славянофилам. Достаточно вспомнить, какое место занимали эти источники в журнале славянофила П. Бартенева «Русский архив».

Возможно, ожидать критического подхода к источникам заставляет предисловие Ключевского, где он, определяя важность зарубежных источников, тем не менее, предостерегает: *Понятно, как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве; за немногими исключениями, они писали наугад, по слухам, делали общие выводы по исключительным явлениям <...> (7, 14)*. Однако Ключевский вовсе не берет на себя обязанность исправлять иностранные свидетельства. Он лишь предупреждает, что не будет касаться описаний *нравственной жизни* (7, 8) русского народа, поскольку именно они наиболее подвержены авторским искажениям. О желании сравнить древнюю и новую Россию вообще нет ни слова.

А.Н.Медушевский утверждает, будто *общий взгляд Ключевского – это взгляд просвещенного европейца, взгляд, несомненно, скептический <...> (9, 323)*. Создается впечатление, что Ключевский дает в своей книге западническую трактовку российской истории. Между тем, вопрос об авторской позиции Ключевского представляется более сложным. Вот пример: пересказав суждения путешественников о государственном устройстве Московии, историк заключает, что иностранцы напрасно мерили Россию по мерке своих государств. Это мешало им – считает ученый – верно понять роль и значение *молодого Московского государства* (7, 129). Кажется, в этой реплике трудно уловить тон «европейца» или западника. Тогда, может быть, у Ключевского свой, сугубо научный, наднациональный взгляд? Или это взгляд славянофила? Обратимся к тексту.

Судя по началу повествования, Ключевский намеревался стоять на позиции иностранных путешественников и скрыть свой собственный голос, не высказывать собственных мнений, оценок, сомнений, не замечать ошибок; войти в роль путешественника-иностранца. Историческое произведение приобрело элемент авторской игры, присущей художественной литературе. Тяжеловесный язык переводов, Ключевский заменяет современным литературным стилем. Кстати, эту литературную манеру изложения, апробированную в первой книге, Ключевский сохранил и в будущих своих работах, за что Ю. Айхенвальд именовал его *ювелиром слова, старинным мастером мозаики*, а его исследования – *непрерывной художественной вязью* (10, 133).

Пока речь идет о географических особенностях страны, роль заморского путешественника вполне удается Ключевскому, но когда он начинает описывать государственное устройство, субъективизм автора «просачивается» в повествование. Так, пересказав отзывы иностранцев о характере абсолютной власти в Москве и унижении подданных, Ключевский не выдерживает этой роли и резюмирует: *Неудивительно,*

что люди, привыкшие к другим порядкам, побывав при московском дворе, уносили с собой тяжелое воспоминание о стране, в которой все рабствует, кроме ее властелина (7, 56). Потом, перечислив еще несколько шокирующих фактов, характеризующих самодержавие, Ключевский снова позволяет прорваться своему, субъективному, мнению: *Как ни резки черты, в которых изображают иностранцы отношения верховной власти к ее окружению, мы не можем назвать их преувеличенными. <...> Также не покажутся нам преувеличенными разные отзывы иностранцев [во] второй половине XVI в. о произволе, с которым московский государь распоряжался имуществом своих вельмож <...>* (7, 59).

Обратим внимание, что в этих замечаниях Ключевский не приводит никаких дополнительных фактов, это – лишь оценочные, экспрессивные реплики. И так почти без исключений: не возводя в принцип спор с иностранным автором, Ключевский позволяет себе лишь вскользь высказать свою оценку. Он, к примеру, приводит свидетельства о численности русского войска и называет эти цифры, *несомненно, преувеличенными* (7, 66), но вовсе не доискивается более точных показаний. Легко заметить, что личные замечания Ключевского относятся к тем фактам, которые связаны с животрепещущими вопросами, волновавшими российское общество и, надо полагать, самого историка, в момент подготовки книги. Из дневников Ключевского, например, ясно, что он был последовательным противником самодержавия и накапливал историческую аргументацию по этому вопросу (11). Поэтому стоит допустить, что его замечания о московской монархии носили более импульсивный, нежели запланированный характер. Вообще, Ключевскому пришлось много рассказывать о неприглядных сторонах Московии: о беспорядках в управленческой и судебной системах, о мучительных видах казни, о наказании кнутом и батогами, о взяточничестве. Но он далеко не всегда высказывает свое отношение к оценкам иностранцев, Ключевский сдержан даже в тех случаях, когда оценки эти способны задеть чувство национальной гордости ученого (например, сомнения иностранцев в храбрости русских воинов). Когда же в завершение книги Ключевский снова обращается к описанию природных условий России, он, как и в первой главе, вовсе устраняется из повествования как судья иностранных мнений и красочно, занимательно, без всяких поправок пересказывает чудеса о русских морозах, волках, бескрайних лесах и т.д.

Поэтому закономерно предположить, что Ключевский не «забыл» (как посчитала М.В. Нечкина) оспорить неверные показания источников, а напротив, поставил своей задачей реконструировать затейливый, порою фантастический, легендарный, полусказочный образ Московии, созданный сказаниями иностранцев, и отказался от сопоставления его с объективной картиной. Выражаясь словами А.Ф.Кони, Ключевский заимствовал из иностранных повествований лишь *описательную*, но не *оценочную* часть (12, 149). Это не значит, что ученый во всем согласен с мнениями западных путешественников. Как уже заметили, порою он с ними вовсе не согласен. Но он сознает научную необходимость обобщить эти чуждые мнения, четко очертить их, свести к некоему инварианту. И совершенно прав А.Н. Медушевский, который заявляет, что исследование Ключевского попадает в русло современного научного направления, *изучающего представления различных народов друг о друге, тот образ, который с течением времени вырабатывался в массовом сознании* (9, 323). Действительно, Ключевский воссоздает образ Московии, и при этом ему не важно, правильны свидетельства авторов или нет (9, 323). В этом отношении сочинение Ключевского можно рассматривать как одну из первых российских попыток имагологического исследования-реконструкции. Воспроизведя «западный» портрет России, Ключевский, по сути, прошел первичный этап изучения инонациональной рецепции государства, без чего не может обойтись ни одно имагологическое исследование, поскольку именно реконструированный образ страны и является объектом имагологии.

М.В. Нечкина права, что *тема Ключевского не была вполне новой* (8, 108), но отметим, что его подход к теме был совершенно оригинален. Объяснимо, что современники и многие последующие ученые затруднялись в определении жанра и целей работы Ключевского. Не исключено, что и сам Ключевский не вполне четко определил для себя эти цель и жанр и именно поэтому не везде выдержал принцип «невмешательства» в сказания чужеземцев. Он, скорее, интуитивно угадал возникший в науке и обществе интерес к суждениям иностранцев о России и предпринял обобщающую реконструкцию объекта этого интереса, не имея под рукой выработанных наукой для этой цели методологических установок.

Характерно, что современники Ключевского с интересом отнеслись к его труду. Об этом свидетельствуют и высокие отзывы о диссертации Ключевского, и публикация диссертации в «Ученых записках Московского университета», и издание диссертации отдельной книгой (1866), и позднее – попытки переиздать «Сказания иностранцев...». Вскоре после Ключевского такого же рода исследование предпринял студент С.-Петербургской духовной академии Л.П. Руцинский и защитил его в качестве магистерской диссертации – «Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII в.». В 1871 г. исследование Л.П. Руцинского было опубликовано в Москве в университетской типографии отдельной книгой. Руцинский сам определяет преемственность своего труда: *В недавнее время сделан даже опыт исторического описания Московского государства по сказаниям иностранцев.*

<...> *Что сделано упомянутым сочинением для нашей гражданской истории, то мы стараемся сделать для истории церковной* (13, 6).

Рущинский, однако, не буквально следует предшественнику. Во вступительной части он усиливает источниковедческий и биографический корпус информации. Сопровождает текст примечаниями, где цитирует альтернативные, дополняющие или противоречащие, сведения других авторов. В самом тексте исследования также зачастую сталкивает точки зрения путешественников. Оканчивает книгу Рущинский главой с характерным названием: «Оценка общего взгляда иностранцев на религиозный быт русских и отношений к ним». Здесь, исследователь отмечает, что католический мир относился к России *вообще с недоброжелательными и неприязненными чувствами*, но и среди протестантских авторов он обнаруживает *немало злых языков* (13, 297-298) и пытается разъяснить причины негативных оценок.

И все же акцент в работе Руцинского сделан не на анализе источников, а на реконструкции образа страны. Ключевский отдал на суд публики собранную по фрагментам «чужую» картинку Московского государства, то же сделал и Рущинский, но расширил поле справочной информации и снабдил реконструированный образ собственными выводами. Возможно, это вызвано опасением, что публика воспримет взгляд иностранных путешественников за взгляд самого историка, посчитает, будто исследователь решил представить точку зрения иностранцев в качестве объективной. Вполне возможно, и у Ключевского были такие опасения, иначе как объяснить, что он упорно отказывался от переиздания своей имевшей успех книги?

В области украиники подобное исследование предпринял В.Ю. Січинський. В 1938 г. он опубликовал во Львове книгу «Чужинці про Україну. Вибір з описів подорожей та інших писань чужинців про Україну за десять століть». Ткань повествования здесь составляют выдержки из многочисленных памятников, объединенные рассуждениями и информационными сообщениями составителя о специфике эпохи, авторских биографиях, особенностях произведений. Порой характеристики составителя не лишены некоторой оценочности. Так, например, отмечается, что В. Пассек в путевых заметках *похвально пише про Україну та її історію* (14, 181). Однако Січинський в предисловии делает оговорку, что выбрал из чужеземных повествований не только позитивные, но и негативные отклики. Кроме того, Січинський сформулировал свои установки при работе с текстами: *Не обтяжуємо читача довшими історичними екскурсами і не переладуємо тексту примітками та бібліографічними нотатками, зате подаємо по можливості оригінальні тексти цитованих авторів* (14, 10). В отличие от Ключевского, Січинський не пересказывает, а цитирует источники, но цель его работы та же – представить читателю многомерный образ Украины по зарубежным источникам, реконструировать инонациональное изображение страны. Примечания Січинського имеют в основном характер пояснения архаизмов, трудностей перевода или топонимики и включаются в текст. Так, цитируя Барбаро, он дублирует многие географические названия современными вариантами: Тана [Азов], Chirmio [місто Крим], Chert [Керч] и т.п.

И Ключевский, и Рущинский, и Січинський стремятся к максимально полному охвату материала, но понятно, что при его обобщении они вынуждены осуществлять отбор фактов и руководствоваться при этом своими собственными представлениями о типичности, новизне, важности источников. Как бы органично не вошел историк в роль типичного западного путешественника, читатель все равно воспримет обобщенный образ страны через призму представлений Ключевского, Руцинского или Січинського. Даже при издании источника без всяких изъятий, как, скажем, у Аделунга или Устрялова, читатель испытывал на себе сознательное желание комментатора и переводчика дать направление в интерпретации некоторых фактов. Это проявлялось и во вступительной статье, и в пояснительных примечаниях. Причем это руководство читателем зачастую имело вид, хотя и справедливой, но не вполне научной, импульсивной аргументации. Поэтому представляется совершенно закономерным, что вслед за изучением отдельных источников, вслед за реконструкцией образа страны научный интерес XX столетия сосредоточился на поиске закономерностей, управляющих формированием и эволюцией этого образа, его исторической и традиционной, национальной и культурной, социальной и личностной обусловленностью. Поскольку не субъективно-интуитивное, а строго научное объяснение фактов должно диктовать читателю отношение к иностранному восприятию страны или народа.

Таким образом, выстраивается некая парадигма в изучении россики и украиники: 1) обнаружение и описание источников; 2) их перевод и адаптация в новой национально-культурной среде; 3) обобщение содержащихся в них фактов, реконструкция образа страны, и, наконец, 4) поиск причинно-следственной обусловленности в специфике реконструированного образа, что в современной науке относится к компетенции имагологии. Причем перечисленные подходы в освоении россики и украиники не вытесняются и не сменяются один другим, они являются разными, но взаимодополняющими и обязательными уровнями научного, культурного и общественного осмысления зарубежных представлений о стране. Современная наука уделяет серьезное внимание и коллекционированию зарубежных источников о стране, и их описанию, и их адаптации, обобщению и многоплановому

анализу. Некоторые из этих направлений имеют устоявшиеся методологии (как, скажем, создание библиотечных фондов россики, биобиблиографических описаний), другие (как имагология) находятся на стадии формирования своей методологической базы, но важен тот **ВЫВОД**, что все основные современные тенденции в изучении россики и украиники являются следствием и логическим продолжением поисков и экспериментов, которые предпринимались исследователями и литераторами еще в XIX в., поскольку осмысление иностранной рецепции было исторически обусловленной и органически развивающейся чертой отечественной культуры и общественного сознания.

1. Кордт В. Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. – К., 1926.
2. Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов: В 4 ч. – СПб., 1770-1775.
3. Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XVI и XV ст. – СПб, 1825.
4. Устрялов Н. Сказания современников о Дмитриии Самозванце. В V ч. – СПб., 1831-1834.
5. Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. – Отд. I. – Т. I. – СПб., 1836.
6. Аделунг Ф.П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений: В 2 ч. – М., 1864.
7. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М., 1991.
8. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М., 1974.
9. Медушевский А.Н. Комментарии. Послесловие // Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М., 1991.
10. Айхенвальд Ю. Ключевский мыслитель и художник // В.О.Ключевский. Характеристики и воспоминания. – М., 1912.
11. Курсеева О.А. В.О.Ключевский о роли и исторической судьбе самодержавия в России // Россия в новое время: образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX – начала XX в.: Мат-лы Российской междунар. научн. конференци. 17-18 апр. 1998. – М., 1998.
12. Кони А.Ф. Воспоминания о В.О.Ключевском // В.О.Ключевский. Характеристики и воспоминания. – М., 1912.
13. Руцинский Л.П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII в. – М., 1871.
14. Січинський В.Ю. Чужинці про Україну. Вибір з описів подорожей та інших писань чужинців про Україну за десять століть. – К., 1992.